

18+

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА

БАЙКИ ЧАЩОБЫ

Елена Григорьева

Байки чащобы

«Автор»

2018

Григорьева Е.

Байки чащобы / Е. Григорьева — «Автор», 2018

Странные вещи происходят, когда помощь далеко. С теми, кто ищет уединения, с теми, кто затерян в глуши, с теми, у кого на исходе воздух в акваланге. Иногда помощь приходит, а иногда нет, и нужно самому бороться за свою жизнь. Случайность, невезение, действие роковых сил... Всё тщетно, если не поверишь в себя. А если и поверишь — как знать? Шансы есть, но порой они невелики.

© Григорьева Е., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Водяной	5
Сокращённый день	13
Потерянный маршрут	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Елена Григорьева

Байки чащобы

Водяной

– Привет! – бойко бросил Влад, хлопнув Славу по раскрытой ладони, и развернулся к Ольге. – Доброе утро, мадам!

– Утро, – вяло ответила та, открывая дверь пассажирского сиденья и забираясь в тёплую машину.

Ехать им предстояло не больше часа. По трассе в предрассветной тьме стелился клочьями туман, деревья поднимались по бокам чёрными гигантами. Ольга зевала, жмурясь от непривычно раннего подъёма. Владик что-то тыкал в телефоне, одиноко ёрзая по заднему сиденью. Слава задумчиво следил за дорогой, изредка косясь на заспанную супругу. Вскоре он подал вправо, обогнал рейсовый автобус, и когда горизонт залило багрянцем, свернул на гравийный съезд. Машина подъехала к дачному посёлку, выросшему у двух озёр. Он-то и был их целью.

Раскатанный колёсами пригорок вёл к поляне. Роса поблёскивала на траве в рассветной дымке. Слева виднелась берёзовая роща. Меж стройными чёрно-белыми стволами проглядывали ветви рябины с вкраплениями ярко-красных пятен – спелых ягод. Справа росли четыре мощных тополя, чуть наклонившие стволы к воде. Дальше едва заметной колеёй дорога брала ещё правее – к зарослям акаций у самой кромки берега. За ними проглядывал канал, соединявший малое озеро с большим. Маленькое было глубоким, а большое – мельче, сплошь покрыто листьями кувшинки, ряской и клочками тины. Малое заросло тиной только по краям, и гладь воды расплавленной латуню сияла в утренней туманной желтизне.

– Ого, да мы одни! – вдруг хмыкнул Слава, пригибаясь и осматривая местность из-под солнечного козырька над водителем сиденьем.

– Не обольщайся. Скоро повалят туристы. Забраться бы поглубже! Вон, что там за кусты? – Владик махнул на заросли.

– Нет, – раздражённо буркнул Слава. – Как будем на воду спускаться? Давай лучше здесь, у навеса.

У тополей стояла грубая конструкция, сваренная из железных труб, выкрашенных в ярко-красный. Скрещённые перекладины поддерживали крышу из шифера. На вытоптанном пятачке под нею трава не росла.

«Раньше там были скамейки для туристов, – вспомнил Слава. – Видно, на случай дождя...»

– Так мы не на другое озеро? А купальщицам не помешаем? Или так интереснее – смотреть на бикини?

Влад хитро глянул на Ольгу, ожидая хоть какой-то реакции. Но та и ухом не повела, продолжая меланхолично пялиться на пейзаж.

– Какие купальщицы? Сентябрь! – фыркнул Слава, вырвав за павильон.

Машину болтало на кочках, трава сухо шуршала под колёсами.

– А вдруг? Пока ещё тепло...

– Ага, то-то во дворе все лужи позамерзали!

– Так это во дворе... А тут почти весна!

И правда, на поляне не осталось и следа утреннего морозца. Всё вокруг было мокрым и каким-то звонко-свежим. Под золотым солнцем ещё ярче выступили оранжевые пятна в тёмно-зелёных кронах.

Слава припарковался у шиферного навеса, передним бампером чуть не уткнувшись в крайний тополь. Друзья выбрались из машины и стали разгружать багажник. Даже Ольга помогала, ёжась от утренней прохлады. Вскоре под навесом появился внушительный мангал, покрытый застарелыми пятнами сажи.

– А ничего, что мы вот так вот взяли и самое хорошее место заняли? – неуверенно спросил Слава.

– Кто раньше встал – того и тапки... – парировала Ольга.

– Да, только бы нас за шашлычную не приняли, – ехидно бросил Владик.

– В честь какого это праздника? Сегодня же не День авиации...

Ещё чуть-чуть, и на расстеленном полиэтилене появилась всякая всячина: упаковки одноразовых тарелок со стаканами, пара коробок сока, бутылки газированной воды, хлеб, контейнеры с салатом, ну и конечно же, большой пластиковый бокс с заранее замаринованной свининой. Только стеклянная тара с напитками крепче осталась в машине, чинно дожидаясь своего часа. Владик наполнил мангал углём, сбрызнул его жидкостью для розжига и повернулся к Славе.

– Ну, всё окей! Дальше мы тут сами.

– Может, я хоть мясо на шампуры насажу? – предложил Слава.

– Да что ты, ей-богу? Ольга насадит! И ты забыл? Мы же в этот раз хотели на решётке!

– А, точно...

– Вот видишь! Всё почти готово. Мы разожжём угли и нажарим. Так что ты давай, преображайся! – хохотнул Владик.

Слава растерянно огляделся, посмотрел на Ольгу и, получив от неё благосклонную улыбку, полез на заднее сиденье. Вскоре он предстал перед ними в водонепроницаемом костюме, лаптах, сдвинутой на лоб маске и акваланге.

Дайвинг стал Славиным хобби ещё с их совместного отдыха за границей. А вот Владика не понравилось. После первого же погружения он заявил: «Больше в жизни туда не полезу!» А Ольга отказалась даже пробовать и смотрела на мужа, как на сумасшедшего. Но вот Слава почти не заметил неудобств – таких, как дыхание через рот и давление воды на уши – сразу влюбился в бездну с её разноцветными обитателями и легко сдал экзамен, получив международный сертификат дайвера. Как только прилетел домой, погнал в спортивный магазин за снаряжением.

Теперь они изредка выезжали всё той же компанией: Слава, Ольга и Владик – их друг с университета. Эта поездка была пятой. Неплохо за три месяца, учитывая вечно несовпадающие графики и общую нехватку времени.

Влад с Ольгой прыснули со смеху, глядя на Славу.

– Что?! – картинно возмутился тот и тоже засмеялся.

Парни сняли с крыши машины надувную лодку, отнесли на берег. Там, где кончалась трава, спуск к воде был рыхлым, илистым, а если наступить на почву, она обваливалась вниз, поднимая со дна облачка буро-зелёной мути. Но обычно озеро было удивительно прозрачным, и когда чья-нибудь тень ложилась на тёмное зеркало воды, оно оборачивалось мрачной бездной. Длинные зигзаги водорослей поднимались к его поверхности, и тина густо выстилала дно, уходящее под откос.

– Ого, да тут, похоже, сразу метр! Сапоги промокнут... – прищурившись, присвистнул Владик и взглянул на Славу.

– Ничего, я подтолкну. А ты держи весло.

Влад забрал у него коротенькое вёселко и шагнул в лодку, уже качавшуюся на воде.

– Эй, ты без меня не уплыви! – засмеялся Слава, глядя на друга.

Потом обернулся и позвал:

– Оль?

– Сейчас... – откликнулась она.

Нехотя поднявшись, она демонстративно прижала тыльную сторону ладони к пояснице, болезненно скривившись, вытерла руки бумажным полотенцем и пошла к ним. Остановившись перед просиявшим Славой, она подняла руки, обхватила его щёки, смешно обжатые нейлоновым костюмом, и встала на цыпочки.

– Хорошего погружения! – сказала она, чмокнув его в губы.

– Хорошего погружения... – пробурчал Влад и подмигнул Ольге. – Смотри, утащит твоего мужа водяной!

Она послала ему колкий взгляд. Слава усмехнулся.

– Скажешь тоже... Не видели ещё здесь водяных! Может, я буду первым?

Друзья переглянулись и захохотали.

Лодка медленно уплывала от берега. Ольга постояла немного, махая ей вслед рукой, а другую уперев в необъятное бедро. Потом вернулась к распаковке провианта. Вскоре, лениво работая веслом, приплыл обратно Владик. Подведя лодку вплотную к берегу, он весело крикнул Ольге: «Мадам, вы не поможете?!», – и кинул на траву конец толстого каната. Девушка вскочила и резво подбежала к озеру. Легко нагнувшись, она взяла канат и придержала лодку, чтобы Влад мог спокойно выйти на берег.

– Ну что, пойдём кашеварить? – спросил он, улыбаясь. – Или?..

Он хотел снова подмигнуть ей, но этого не понадобилось. Полные руки Ольги обвили шею Влада. Она поцеловала его.

– Эй, тише! – задыхаясь, с улыбкой прошептал Влад. – Дай хоть лодку уберу!

Он водрузил лёгкую надувную конструкцию обратно на крышу машины и надёжно привязал её.

– А это? – спросила Ольга, кивнув на продукты.

– Да мы же здесь, недалеко...

Он взял её за руку и повёл к зарослям камыша, но вдруг остановился.

– Тьфу, ё! – чертыхнулся он, увидев рыбака на соседнем берегу.

Тот сидел, нахохлившись, между высокими сухими стеблями в изогнутом устье пролива. Почти спиной к ним, сосредоточенно рассматривая замерший поплавок. Убедившись, что рыбака больше ничего не интересует, Влад, хитро улыбаясь, сжал двумя пальцами язычок молнии Ольгиной толстовки и потянул вниз. Они опустились в хрусткий стебель камыша.

Слава плыл в метре над озёрным дном, неспешно перебирая лапами в буро-зелёной мари, прорезанной светом фонаря. Крутил головой из стороны в сторону, рассматривая змеящиеся листья водорослей. Порою в мутной взвеси между ними мелькали маленькие силуэты, и Слава подплывал поближе, чтобы рассмотреть их, но они тут же прятались за извилистыми стеблями.

Только здесь, под покровом бездны, Слава чувствовал себя свободно. В последнее время жизнь у него совсем не клеилась, и он ощущал себя загнанным в угол. Вечные авралы на работе. Странные, «подвешенные» отношения с женой. Да ещё и Влад был теперь каким-то странным. Всё реже заходил к ним посидеть с бокалом сока или виски-колы, порубиться в игры на «Плейстейшн»¹. Не звонил Славе, чтобы узнать, как у него дела, не мог придумать что-нибудь на выходные, не отправлял смешные стикеры ему в мессенджер. А когда они всё же собирались вместе, Влад толком не смотрел на Славу – косился вбок и повторял уже осточертевшие шутки. А вот зато на Ольгу он часто поглядывал, и как-то очень хитро, исподтишка. Если бы

¹ Плейстейшл (англ. «PlayStation») – игровая приставка, разработанная Японской компанией Sony и вышедшая в продажу в 1994 году.

не дружба со студенческой скамьи и не искренняя вера во Влада, Слава давно бы начал что-то подозревать.

Все эти заботы и сомнения сдавили Славе рёбра, не давая продохнуть. Облегчение приходило к нему только под водой, с глотком кислородной смеси. Когда он лавировал между стеблями камыша, то словно становился беззаботной рыбой, которую беспокоят лишь две вещи: найти побольше вкусных водорослей для пропитания и выбраться из этих зарослей живым, не попавшись кому-нибудь на зуб. А порой ему казалось, что он сам – настоящий хищник. Тогда он с жадностью выискивал себе достойного противника, которого можно подстеречь, перехитрить, поплыть за ним, загнать в заросли змеевидных водорослей, и, утвердившись в своём превосходстве, повергнуть в первобытный ужас. Заставить замереть, забиться в тень. Или наоборот – грозно раскинуть плавники, приняв оборонительную позу.

Вот и сейчас Слава предвкушал погоню. На миг он остановился, продул наполнившуюся водой маску, поудобнее закусил раструб дыхательного автомата и плавно заработал ластами. Вскоре он выплыл на «подводную поляну». Водорослей здесь почти не было. Только жиденькие метёлки тонких бурых нитей стелились по бугристому дну. И тут из-под илистой кочки высунулась треугольная голова с большими круглыми глазами.

«Может, сом? Голова плоская, но вроде без усов...»

Слава затаил дыхание, стараясь не шевелиться – не раскачивать луч фонаря, нещадно бьющий в мурду существа.

А оно впало в ступор, замерев на месте. Затем его круглые глаза повернулись, и оно уставилось на Славу. Искривило пасть, дёрнув плавниками, и взвилось над собой столб грязи, скрывшись в иле. Славе показалось, что оно хитро ухмыльнулось.

Парень расстроился из-за глупо сорванной погони. Он глянул на подводные часы с компьютером для погружений.

«Глубина – пятнадцать метров. Значит, я смогу пробыть тут не больше часа. Но кислородной смеси в основном баллоне – минут на сорок. Правда, есть ещё запаска, но это – на крайняк...»

Он понадёжнее перехватил фонарь, прикоснулся к чехлу ножа на поясе и поплыл дальше, стараясь расслабиться и дышать как можно реже, экономя воздух.

– Разжигать пора... – вяло сказала Ольга, потягиваясь в объятиях Влада.

– Да нет ещё. Только минут двадцать прошло...

– А вдруг он раньше вынырнет?

– Не вынырнет. Будет он зря тратить воздух?! Давай-ка лучше вот что...

Он оттолкнулся от подстилки из поломанного камыша и пошёл к машине. Открыв её с брелка, оставленного Славой, нырнул на заднее сиденье. Обрато к Ольге он вернулся, галантно протягивая ей стаканчик с прозрачной жидкостью. В другой руке была тарелка с мясной нарезкой. Ольга улыбнулась, нежно посмотрев на Влада, и приняла угощение.

Слава двигался в мутной полутьме, глядя по сторонам. Ему очень хотелось улыбнуться, но мешал загубник дыхательного шланга. Он всё чаще замечал, что в кочках илистого дна скрываются головы рыб – таких же раздосадованных, как и та, которую он спугнул. А в низинах между буграми, где дно казалось твёрдым и надёжным, друг к другу липли раковины перловицы. Они были открыты и переливались радужным перламутром, но захлопывались, когда на них падал луч фонаря.

Прошло ещё десять минут.

«Пора двигаться к берегу, – подумал Слава. – Компас говорит, что мне направо».

Он стал неспешно заворачивать, изгибаясь всем телом и подгребая свободной рукой. Вокруг была всё та же буро-зелёная мгла, но теперь луч высвечивал в ней крупные желтоватые

хлопья, как снег вихрившиеся вокруг Славы. Вдруг в этой взвеси промелькнул серебристый блик и снова скрылся в палевой метели.

«Занятно! – едва не вслух выпалил Слава, но вовремя вспомнил о дыхании и поплыл быстрее. – Минуты три до берега. Воздух можно уже не экономить!»

И тут в столб света прямо перед ним ворвалась щука. Нагло глянула, нацелив прямо на него острую морду. Метнулась в сторону, круто извернувшись, ударила по воде хвостом.

«Вот он, мой противник! – возликовал Слава. – Куда ж ты? Не уйдёшь!» – и бросился за рыбой.

Он бешено работал ластами, разгоняя комковатую пелену, преследуя блестящий силуэт. Тот кинулся влево – Слава повернул туда же. Тот ушёл правее – парень скорректировал свой путь, чтобы не упустить его. В какой-то момент он почти что потерял рыбину и чуть не сдался. Но тут она опять вынырнула из тьмы, развернулась к Славе, будто поманив, и пустилась наутёк, вильнув хвостом.

Спутанные клочья водорослей мелькали по бокам, обзор застилала круговерть белёсой взвеси, но Слава видел только яркий силуэт, шустро орудующий плавниками. Парень следовал за ним упрямо, неотступно, лишь изредка поглядывая на компас, уверенный, что движется к берегу. Дно уходило вверх под небольшим углом, и то и дело там попадались гладкие выпуклые камни.

«Точно берег! Вон и бутылок накидали!»

Бездна вокруг стала проясняться. Вода наполнилась зелёным свечением. Глубиномер на запястье завибрировал: начался подъём. Слава понял, что ему надо сбавить темп, чтобы не нарушать правила декомпрессии. Но щука всё вертелась перед ним, дразня и будто бы вовсе не пытаясь избавиться от своего преследователя. Слава принял вызов.

И тут же замер. Крупные пучки водорослей мрачно темнели там, куда улепётывала щука, сливались в бурюю завесу. Они словно очерчивали контуры чьих-то владений. Слава подумал, что ничего хорошего эта подводная чаша не предвещает. Наоборот: очень неприятно будет запутаться в водорослях на исходе дыхательной смеси. Он выбросил руки в стороны, резко затормозил и завалился на бок, пытаясь изменить направление движения. Поздно.

Щука вдруг дёрнулась и метнулась вправо, будто не желая попасться в цепкие заросли. И тут её силуэт растаял, рассыпавшись клочьями тумана, и из него, стремительно вобрав в себя молочный дым, возник какой-то другой. Дымка сгустилась в облако мрака. Тёмная фигура выросла перед Славой, заслонив собой подводную рошу и поглотив блеск солнца в вышине.

Парень отпрянул. Судорожно ударил по воде ластами, ощутив под рёбрами острый укол страха. Но даже испугавшись, он заметил, что луч фонаря не осветил фигуру, а словно потонул в ней. Силуэт будто бы жадно поглощал весь свет, втягивая его внутрь и растворяя в вязкой черноте. А ещё парню показалось, что фигура напоминает тень сгорбленного человека. Тень, курящуюся дымными завитками. И на её вершине мертвенной голубишной светится лицо. Это овал, но вытянутый не вертикально, а горизонтально. В нижней его части виднелась некая косая щель – намёк на рот. Огромные выпученные глаза вращались в разные стороны, словно старались выхватить из бездны каждого её обитателя, не упустив из виду и непрощенного гостя.

Слава кое-как развернулся. Бросился назад, задыхаясь в раскалённом кольце боли и чуть не выплюнув раструб респиратора. Водная муть взорвалась перед ним россыпью пузырей. Но тут его рывок остановил удар. Что-то цепко скользнуло по затылку, почти сорвав с головы шлем. Слава едва не уронил фонарик, но успел поймать его за ремешок.

Парень так и не понял, что произошло. Брыкаясь, он яростно бил по воде ногами, но не двигался с места. Луч света беспорядочно метался по воде, освещая то водоросли, то белёсую взвесь. Слава не мог даже оглядеться и посмотреть, что же его держит. Какое-то время он барахтался, метался в ужасе, часто дышал и тратил кислород. Потом пришёл в себя и уже осознанно дёрнулся назад, пытаясь вырваться.

Ничего не вышло. Паника снова захлестнула его. Слава конвульсивно завертелся, глядя по сторонам. В илистой пелене виднелись контуры каната. От каната поднимались вверх мелкие верёвочные ячейки. Слава понял, что зацепился аквалангом за край рыбацкой сети.

Ольга с Владом были уже невменяемы. Второй стакан водки пролетел за воротник следом за первым, третий за вторым. Тарелка с закусем валялась в камышах, а голова Ольги вяло перекатывалась по плечу её тайного кавалера. Девушка шарила вокруг красными глазами.

– Вла-а-ад, – еле промычала она, – а где Славик?

– А-а-а, ныряет, – заплетающимся языком ответил тот. – Не ма-а-аленький... Сам выплывет...

Мимо прошёл рыбак в выцветшей штормовке, с удочкой и ведёрком, полным карасей. «Тьфу!» – с искренним отвращением бросил он и удалился, вернув парочке её туманное уединение.

«Ну дурак!.. – мысленно ругал себя Слава, заведя руку за спину и ощупывая вентиль акваланга. – Надо же быть таким идиотом! Невнимательным, импульсивным... Поплыл за щукой! Померещилось чёрт-те что! Небось после шуточек Влада. Попал теперь в эти силки... Ладно хоть акваланг ещё цел! Вроде бы ничего не сорвало. Сейчас отцепим...»

В толстых нейлоновых перчатках он с трудом нащупал жгуты, обвившиеся вокруг вентиля кислородного баллона. Попытался просунуть пальцы под образовавшуюся петлю, не повернув при этом вентиль. Но рука в перчатке действовала неуклюже: не ощущала мелких деталей. И он не мог помочь себе второй, занятой фонарём. Согнувшись, парень подтянул к себе ноги и сжал фонарь коленями.

Он щупал вентили и шланги, поддёргивал обвивавшие их нити, пытаясь их поддеть и скинуть, но ничего не выходило. Капроновые верёвки накрепко напутались на трубчатые сочленения. Слава глянул на часы.

«Сорок пять минут. Вышло время безопасного погружения. И воздух скоро кончится. Правда, есть маленькая запаска – «пони-ботл». Но это не больше, чем минут на десять... Надо выбирать!»

Он колебался между двумя вариантами.

«Снять перчатки, чтобы распутать сеть? А если потеряю? Жалко... Зажать между коленями? Уроню фонарь!.. Ладно. Лучше по-другому... Ох, прости меня, неведомый рыбак...»

Он снял с пояса нож, завёл руку за спину и стал подковыривать пальцами верёвки, чтобы их разрезать.

Перчатки сильно мешали. Нож соскальзывал. Лезвие почти не резало туго натянутый капрон, промахивалось мимо нужной петли. Мысленно ругнувшись, парень сбросил одну перчатку, потом вторую, с грустью наблюдая, как они, медленно кружась, падают во мглу.

«Ничего, может, ещё подберу...»

Он снова поднял руки, остро ощутив холод сентябрьской воды. Вдыхая как можно реже и задерживая воздух в лёгких как можно дольше. Слушая шелест своего размеренного дыхания. Ощупывая вентиль регулятора давления в поисках державшей его нити. Компенсатор плавучести костюма переполнился – жилет тянул Славу вверх, прижимая к сети. Тогда парень слегка стравил отработанный воздух, и серебряные пузырьки побежали к долгожданной свободе.

Наконец Слава нашёл нужную верёвку. Капроновый жгут натянулся, глубоко забившись под детали акваланга, и даже оголённый палец не чувствовал, где кончалась сеть и начинался вентиль. Парень сжал капроновую нить, подsunул под неё лезвие ножа, провернул его и резко надавил.

Что-то булькнуло прямо над ухом. Славе показалось, что длинные чёрные щупальца обвилились вокруг его шеи. Руки дрогнули. Лезвие проскользнуло, резанув по пальцу. От боли

Слава разжал руку. Нож проехался по плечу, разрезав гидрокостюм. Парень тут же забыл о наваждении и попытался всё исправить.

Не успел. Нож канул вниз, скрывшись в слое ила. Слава заметался, зашарил вокруг свободной рукой, выпуская в воду красные облачка. Дно предательски рассыпалось перед ним склизкой бурой взвесью, не давая нащупать рукоять ножа.

Слава стал рвать верёвки голыми руками. Сначала одной, скрюченной над головой, потом обеими, дёргаясь и озираясь, зажав фонарь ногами и не шадя порезанного пальца. Бесполезно.

Сетчатое полотно уходило к поверхности озера. Совсем рядом виднелся топляк. Мишистый, покрытый тиной ствол дерева лежал наклонно. Одного его конца не было видно из-за солнечных бликов наверху.

«Это, наверное, дерево, упавшее с берега, да так и оставшееся в нём корнями! Чёрт! А ведь я так близко!..»

На дно по бокам от парня опускались верёвки с грузилами, утонувшими в иле. Сеть простиралась во все стороны. Она тряслась от Славиных движений, как паутина с попавшей в неё мухой. Но сеть была большой, вдали её колебания ослабевали. Слава не мог всплыть вместе с нею. Хоть и тянул изо всех сил, но поднимал её лишь на пару метров. А она тут же прижимала его обратно, возвращая в муть, поднятую со дна. Он давным-давно избавился от грузиков собственного пояса, не без сожаления выбросив их из специальных ячеек, но вырваться из сети не мог. Здесь не помешал бы нож, только его больше не было. Как ни бился Слава, верёвки держали крепко. Он начал уставать.

Тут в акваланге кончился воздух. Уже и предыдущий вдох парень делал с большим трудом: смесь почти не поступала из баллона. А теперь кислорода вовсе не осталось: ничто не поднялось в Славину грудь через шланг. Наоборот: акваланг чуть не вытянул из лёгких остатки воздуха, так и норовя вывернуть их наизнанку. словно издеваясь, часы на руке замигали, сообщая об окончании подъёма.

Слава выплюнул раструб респиратора и рванул из кармана запаску. Но вдруг замер.

«Это не сильно поможет. Задержу дыхание, попробую свинтить регулятор, чтобы не терять акваланг. Если повезёт, освобожусь и открою «пони-ботл» на подъёме».

Он сунул запаску в разгрузочный пояс, поднял руки, нащупал тугую резьбу креплений и сжал её изо всех сил. Измученные пальцы проскальзывали по металлу. Парень задыхался. Перед глазами всё стало чёрно-зелёным. Он выхватил из кармана запаску, судорожно свернул вентиль, приложил баллон к губам и сделал глубокий вдох.

Пятна перед глазами не исчезли, лишь слегка поблёкли. Пегая муть преследовала Славу, куда бы он ни глянул. Он не обратил внимания и воткнул баллон обратно в карман. снова поднял руки, схватился за шланг, попытался снять его, стискивая зубы и впиваясь пальцами в резьбу. Но его пальцы становились всё слабее и мазали по холодному металлу, не в состоянии разъединить шайбы.

Слава боролся с желанием хлебнуть воздуха, судорожно сглатывал, но запрещал себе открыть рот и втянуть воды. Он неистово рвал вентили, сотрясая сеть и поднимая вихри бурых облачков. Внезапно Славу осенило.

«Идиот!»

Он потянулся к пряжкам акваланга, но сделать уже ничего не смог.

Парень не замечал, как вода вокруг него бурела, наполняясь ржавью. Кровь выплёскивалась из пореза на пальце, смешиваясь с илом. В другой ситуации порез не причинил бы серьёзного вреда, но мозг Славы был измучен нехваткой кислорода. Минута. Две. Три? Он не знал, сколько задерживал дыхание. Воздух кончился. Когда Слава уже хотел достать запаску, силы его покинули.

Кончики пальцев закололо мелкими иголками. Колени разжались, выпустив фонарь. Бриллиантовый луч оборвался, став тусклым ореолом на дне. В глазах у парня потемнело. Руки

обмякли и соскользнули с вентиляей. Мозг передал управление телом вегетатике. Слава открыл рот и глубоко вдохнул.

Вода ворвалась в лёгкие, тело скрутили спазмы. Парень закашлялся и неосознанно втянул ещё больше воды. Его конвульсии выдрали из дна грузила. Сеть стала опадать, окутывая Славу ажурным саваном. И сквозь едва заметные ячейки ему мерещились пара круглых глаз да косою порез рта на фосфорическом лице. В агонии он вывернул из разгрузника запаску, но она тут же выскользнула у него из рук. Насмешливо кружась, она съехала вниз вслед за перчатками, ножом и фонарём.

Ольга заперлась в мужниной квартире. Не отвечала на звонки, не открывала дверь соседям, ну а Влада и близко не подпускала. Дни сливались для неё в недели, недели в месяцы. Она выходила только в магазин, чтобы купить буханку да бутылку. Раз за разом она мысленно проживала тот день, когда в последний раз ездила на озеро, изводя себя поздним раскаянием. В пьяном бреду она повторяла: «Не ходи, Слава, не ходи... Утащит водяной...»

Однажды она лежала на двуспальной, слишком широкой для неё одной кровати, бесцельно уставившись в небо за окном. Свинцовые тучи густо сыпали снегом, кружащимися невесомыми хлопьями. Дверь тихонько скрипнула и приоткрылась. Звякнула кучка бутылок у стены. Ольга, медленно повернув голову, упёрлась затуманенным взглядом в проём.

Там стоял Слава. В водолажном костюме, в ластах, с аквалангом, в котором его вытащили из озера. Мелкие хромированные детали опутывали клочья водорослей. Лицо его было серым, раздутым, кожа крупными складками выдавливалась за края маски. Шланг для дыхания болтался у Славиного плеча, и Ольга подумала: «Конечно, ведь баллон пустой, и трубка ему больше не нужна». Губы Славы разлепила широкая, искренняя, по-детски счастливая улыбка. Жёлтые хлопья ила вывалились изо рта и сползли по подбородку.

– Ты вернулся, мой родной!

Ольга вскочила с кровати. Покачнулась, но не упала. Оттолкнувшись от пола голыми пятками, бегом пролетела комнату и врезалась в Славу. С силой обняла мужа, стиснув его вялое тело, так и норовившее просочиться сквозь пальцы. Встав на цыпочки, закрыла глаза и прижалась к холодным губам. Ощутила не то привкус тины, не то запах собственного дыхания. А снег всё кружил – казалось, теперь в её голове, – заметая искры сознания.

Сокращённый день

В сельской школе раздался звонок. Последний на сегодня. Суббота была сокращённым днём, и всех отпускали с уроков уже в полдвенадцатого. Дети разбежались домой: младшие – вприпрыжку и наперегонки, старшие – сдержанной пружинистой походкой, с потрёпанными ранцами, лихо перекинутыми через плечо. Но Коле с Надей не хотелось уходить.

Они учились в разных классах. Надя – круглая отличница, умница в стоптанных сандалиях и линялой юбке, которая стала ей донельзя коротка, – в пятом «А». Коля – бойкий темно-волосый хорошист, зимой и летом в одном и том же свитере, – в шестом «В». Жили ребята по соседству, в деревне неподалёку. С детства дружили, несмотря на подколки и порой даже злые нападки мальчишек. Всегда ходили вместе, а иногда задерживались в школе после уроков.

– Ну что, пойдём? – с тревогой спросила Надя, когда все поля её тетрадки по литературе уже были изрисованы улыбками и красивыми завитушками, а вырванный из Колиной тетради лист исчиркан «точками» и «крестиками-ноликами».

Коля серьёзно посмотрел на неё.

– А ты как – хочешь?

– Мама с папой, наверно, пьяные... – грустно ответила подруга. – У них сейчас работы нет.

– Тогда останемся! Отчиму тоже всё равно...

За окном всю морозил февраль. Деревья с утра стояли в инее, а сейчас немного оттаяли, с неба повалил снег. В классной комнате было тепло: грела старая буржуйка с дымоходом, выведенным в форточку. Угли уже остывали, но Марья Сергеевна строго-настрого запретила разжигать её снова: «Нужно экономить дрова, а то не хватит на зиму!» Впрочем, класс и так был неплохо прогрет дыханием учеников. А если бы стало холодно, Коля с Надей могли сходить в раздевалку за куртками. Хотя и это было нежелательно, ведь дядя Ваня – бессменный школьный охранник – очень не любил, когда в школе кто-то оставался. Говорил: «Не по правилам!» Если он их с Колей увидит, наверняка отправит домой. «Похоже, – подумала Надя, – потом всё же придётся топить».

– Давай тогда домашку поделаем! – живо отозвалась она и отвернулась, чтобы достать книги из портфеля.

– Нет, – ответил Коля, – давай лучше клеить!

В углу классной комнаты был большой прямоугольный стол для уроков труда. На нём стояли поделки: петушки из шишек и желудей, собранных осенью в лесу, из них же – коровки с хрюшками, ёжики, домовые и лешие. Но самой главной достопримечательностью был большой бумажный замок. Он возвышался надо всем этим добром почти полуметровой громадой: со стройными башенками, увенчанными конусами крыш, с зубчатыми стенами, снабжёнными вырезами бойниц, с широким откидным мостом, крепившимся к арке входа внушительными цепями, собранными из бумажных лент.

Замок был гордостью Коли с Надей. И каждый раз на уроках труда по особому разрешению учительницы, охотно освобождавшей друзей от других заданий, он дополнялся новыми архитектурными элементами, всё разрастаясь вширь и в высоту.

Вот и сегодня дети засиделись допоздна, подклеивая к нему новые башни со шпильями и хитрые пристройки, вырезанные из картонок, найденных чуть ли не на помойке. Коле даже удалось смастерить и торжественно водрузить в середину его внутреннего двора крытую грузовую повозку.

Мальчик уже начал задумываться о том, из чего бы сделать лошадь, и тут в животе у него громко заурчало. Коля посмотрел в окно. Там всё стало ярко-синим, с прожилками снежных вихрей, которые сдувал с крыши здания вдруг поднявшийся ветер.

– Я обед взяла, – сказала Надя. – Правда, только гречка с луком...

– У меня тоже есть, – подхватил Коля. – Давай поедим. Как раз чуть-чуть и согреемся.

Когда они поужинали, на улице совсем стемнело. Дети едва различали друг друга. Но свет они не включали. Электричество-то здесь было – к пологому холму, на котором одиноко стояла школа, тянулись провода от проходившей рядом ЛЭП. Но время было позднее, суббота. И дядя Ваня уже оставил свой пост: закрыл школу до понедельника, а перед этим опустил все выключатели в главном электрощитке.

– Ну всё, пора... – неуверенно сказала Надя. – Дядя Ваня уже точно ушёл. Хорошо, что мы заперлись, а он кабинеты не открывает! И одежду в раздевалке не заметил... А ты смотри, какой ветер! – девочка поёжилась, глянув в окно, за которым свистала вьюга. – Мы и за час не доберёмся.

– Да, – ответил Коля. – Собирайся. Я возьму ключи.

Учебные классы редко запирались, но в этом кабинете стоял старенький телевизор с трубчатым кинескопом и кассетный видео-проигрыватель. Конечно, такую ценность не доверили бы Коле, но Наде Марья Сергеевна оставляла ключи без вопросов, лишь изредка напоминая, чтобы та потом прятала их за стеклянный шкафчик на вахте. Парадные же двери школы были снабжены крепким врезным замком, открывавшимся как изнутри, так и снаружи. У классной руководительницы был ключ и от него.

Дети наощупь сложили учебники с тетрадями в портфели, поворошили на всякий случай потухшие угли в печурке. Надя даже умудрилась ополоснуть банки из-под обеда. У выхода из классной комнаты стояла раковина с простым ручным умывальником. Воды было много: видимо, раз всех отпустили домой до обеда, у одноклассников не появилось повода мыть руки.

Друзья вышли из кабинета. Слабый отсвет луны едва пробивался сквозь вьюгу к окошку в конце коридора, а справа и слева тянулись ряды запертых дверей кабинетов. Темень здесь стояла ещё гуще, чем в классе.

– Посветить? – спросила Надя, доставая маленький фонарик («от маньяков», как называли его дети, но он, к счастью, не подтвердил своего назначения и служил скорее для того, чтобы не утонуть в сугробе).

– Не, я уже всё, – ответил Коля, поворачивая ключ в замке в последний раз. – Береги батарейки!

Он отвернулся от двери и взял Надю за руку. Для Коли это был долгожданный момент – он мог без неуклюжих оправданий прикоснуться к Наде и, как настоящий мужчина, повести её по тёмному коридору, оберегая от опасностей. Потом будет короткая лесенка в холл из пяти ступенек. Там Коля обгонит подругу и станет спускаться спиной вперёд, аккуратно находя каждую ступеньку ногой. И тогда он сможет держать Надю уже за обе руки.

Так он и сделал, поймав её кисти в свои ладони.

– Тихонько... – чуть дрогнувшим голосом сказал он.

Руки Нади были тёплые, совсем не потные, и даже на расстоянии Коля чувствовал ветерок её дыхания.

– Так!.. Одна... две... три... – стал считать он, – четыре... Почти пришли!

Но тут Коля замер на месте. Его нога в хлипком ботинке воткнулась во что-то мягкое и упругое. Мальчик вздрогнул. Надины пальцы сжались вокруг его ладоней.

– Что?.. – начала она и, не договорив, отёрнула одну руку, чтобы вытянуть из рюкзака фонарик.

Сначала луч упал на Колины брюки, чётко высветив белёсые ворсинки сильно истёртой ткани, затем – на квадратные носы его ботинок. Прошёлся по старому паркету и остановился на чём-то зелёном, тоже похожем на ткань. Мальчик оглянулся, по-прежнему крепко сжимая руку Нади. Яркий луч пробежал слева направо, упав на сваянный овечий ворот и выглянувшую из-под него рубашку. А в следующий миг выхватил из тьмы страшное, неузнаваемое лицо.

Рот на нём зиял огромной дырой, из которой растекалось что-то красное, заливая две нижние ступеньки и пол под ними.

Надя завизжала, выронив фонарик. Тот звонко брякнулся о бетон, ещё раз осветив то, что было когда-то человеком. Потом уткнулся в тёплый зимний китель, утопив луч света в плотной ткани. Надя с криком бросилась назад по коридору.

Коля тоже был на волосок от того, чтобы кинуться бежать, но сумел взять себя в руки. Быстро наклонившись, поднял фонарик, стараясь не коснуться мёртвого тела. Затем внутренняя пружина, сдерживавшая его страх, распрямилась, и мальчик бросился прочь.

Он быстро догнал Надю. К счастью, она ещё не успела добежать до двери классной комнаты и не начала рвать ручку в ужасе, забыв, что дверь заперта. Коля схватил Надю за руку. Девочка, обезумев от страха, заколотила ладошками по Колиным плечам, но он крепко прижал её к себе, обездвизжив.

– Ш-ш-ш... Тише! Надя! Это я... Это – я!

Понемногу она стала затихать. Всхлипывая, опустила голову ему на плечо. Коля робко поглаживал подругу по спине, хоть и сам с трудом боролся со слезами.

– Т-там... – начала она.

– Дядя Ваня, – смягчая голос, спокойно ответил он. – Что-то случилось...

– Надо что-то сделать!

– Нет, уже поздно. Мы пойдём в Вершки и вызовем участкового.

– Нет! – вдруг взвизгнула Надя. – Я больше не пойду туда... где он!

Коля ничего не ответил. Он осторожно опустил руку и достал из кармана ключ. Надя вздрогнула, когда тот тихонько звякнул на колечке.

– Пойдём пока внутрь, – твёрдо сказал мальчик, отстранившись и развернув Надю к двери.

Они зашли в комнату. Коля дважды провернул защёлку и тщательно подёргал дверь, убедившись в надёжности замка. Затем он вновь обнял подругу и повёл её в темноте к партам. Они сели на край длинной скамьи.

– Я больше туда не пойду, – всхлипывая, повторила Надя, и плечи её затряслись.

– Ну всё, – приговаривал Коля. – Тише! Ничего, я пойду.

– Нет! – вскрикнула Надя. – Не уходи!

Друзья не знали, сколько просидели в темноте. Над старой меловой доской висели часы, но они давно не тикали. А если бы и шли, это бы ничего не изменило. Вряд ли родители Нади или Колин отчим, с которым он остался после смерти мамы, начали бы о них беспокоиться. После горячих споров и горьких Надиных слёз друзья договорились идти вместе.

– Я буду с фонариком впереди. Возьму тебя за руку. А ты закрой глаза и не смотри! – уверенным, почти спокойным тоном сказал Коля, втайне надеясь, что и сам сможет всё это выдержать: не дать дёру, бросив Надю одну в темноте.

– Ладно, – твёрдо вымолвила девочка. – Давай... А я тогда закрою класс.

После недолгой возни мелко дрожащими пальцами с неподдающимся замком, да ещё заминки, когда Коля слишком сильно сжал фонарик, случайно его выключив, всё устаканилось, и дети тихонько двинулись в холл. Коля старался не направлять луч на ступеньки впереди и светил себе чётко под ноги, упрямо бормоча ободряющие фразы.

– Ну вот, Надя... Тихонько... Не смотри... Я здесь... Всё хорошо...

Он тянул её за руку, чувствуя лёгкое сопротивление. Потом Надя всё-таки медленно переставляла ноги, пробуя пол под ними сначала носком. «Как в игре, – подумал Коля, – когда тебя раскручивают и надо ловить друзей с завязанными глазами. Арамия Гусия-я-я, Гусия-я-я, Гусия-я-я...»

Вдруг мальчик остановился. Надя воткнулась в него, но Коля тут же двинулся дальше. Теперь они шли ещё медленней. Коля вслушивался. Вскоре Надя с дрожью прошептала:

– Ты слышишь?..

– Не бойся! Это, наверно, счётчик...

Коля соврал.

«Какой счётчик? Он не крутится, когда света нет...»

Они были почти у лестницы, и Коля посветил вниз.

Но дяди Вани там не было. Ступеньки оказались пусты. Только залиты кровью, а в ней – какие-то странные хлопья, как пена на варенье. Коля даже не успел испугаться и направил фонарик вперёд.

Возле двери раздевалки был желанный выход из школы. Рядом стояла маленькая парта со стулом, прямо под стеклянным шкафом с ключами. За ней в учебные дни обычно сидел охранник. Он был там и сейчас.

– Ах-ха-ха-а-а... Ы-ы-ы... Ы-хы-хы-хы-ы-ы... – тихо плакал дядя Ваня.

Тело его сотрясалось, и алая кровь стекала из неестественно раззявленного рта, окаймлённого серыми ошмётками. Глаза были закрыты, только краешки белков выглядывали из-под странно расслабленных, каких-то отвисших век.

Коля замер, не в силах отвести луч от зрелища. У Нади перехватило дыхание. Она судорожно всхлипнула. К счастью, глаза она не открыла, но всё равно больно впилась в Колину руку пальцами, скрюченными от страха.

– Ы-хы-хы-хы-ы-ы... – разливалось по холлу.

Затем послышались булькающие, как сквозь вату сказанные слова:

– Как... Как она могла?..

Коля наконец вышел из ступора: резко дёрнул Надю обратно, волоча её за собой.

Ключи плясали в Надиных в руках, поэтому Коля отобрал их. Но он и сам с трудом попал в скважину замка. Раздалось громкое «Щёлк!», и всё. Замок заело.

Коля замер. Подёргал ключ туда-сюда. Попробовал вытащить и вставить снова. Надя судорожно всхлипнула у него за спиной.

– Т-с-с... – зашипел он. – Посвети!

Она замолкла. Яркий луч лёг на исцарапанный пласт жести вокруг скважины.

Коля аккуратно повернул ключ обратно. Вновь захрустел металл. Один... два...

Тут в холле что-то грохотнуло. Надя завизжала. Луч света мазнул по стене и метнулся в конец коридора. Коле не хотелось смотреть туда, но он всё же глянул.

На лестнице кто-то стоял. Только не дядя Ваня. Силуэт был укутан в бесформенное тряпье, висевшее рваными клочьями. Из-под него выглядывали тощие ноги в чулках. Женщина. Лицо она закрыла руками.

Ребята замерли. Кажется, почти перестали дышать. И тогда по коридору разнёсся низкий, надсадный вздох.

Женщина медленно отняла руки от лица. Раздался хруст – словно треснула наледь на луже. Руки опустились под звук хрустальных хлопков, как от лопающихся под ногами сосулек. Дети увидели жуткое лицо с облупленной кожей и гармошками голых мышц.

Она не смотрела на них: веки смёрзлись, навечно закрыв ввалившиеся глаза, и на коже поблёскивала корка льда. Там, где к ней прикасались ладони, плоть выломалась, открыв сетку сосудов. Потрескавшиеся губы разомкнулись, и женщина медленно, тяжело, со скрежетом произнесла:

– Х-холодно! Нужно согреться... Холодно!

Надя опять закричала. И кто знает, что было бы с Колей, если бы замок под его трясутыми руками не хрустнул. Дверь распахнулась. Ребята ввалились внутрь. Коля как-то сумел обернуться, поймал открытую дверь и грохнул её об косяк, провернув защёлку замка.

Они замерли у двери. Было тихо, только Надины зубы стучали. Девочка больше не плакала, но вся как-то скрючилась, сжалась, боязливо вцепившись в Колю. Она дрожала всем телом. Мальчик гладил её по спине. Потом он протянул руку – проверить, хорошо ли заперт замок. Раздалось громкое «кляц». Надя взвизгнула.

– Т-с-с! Не бойся! – сказал Коля и обнял её.

Вскоре они успокоились. В коридоре стояла тишина. Коля наощупь нашёл стул у раковины, чтобы упереть его в дверь. Но передумал и взялся за край парты – тяжёлой конструкции со столешницей и скамьёй из фанеры и железного профиля. Коля потянул её на себя, но она плохо поддавалась, хоть мальчик и вис на ней всем своим весом. Тогда Надя, всё ещё всхлипывая, подошла и помогла ему. Вместе они придвинули парту к двери, заблокировав вход, и устало сползли на корточки по бокам от него.

И тут в коридоре послышались шаркающие шаги. Дети вскочили на ноги и метнулись вглубь класса. Минуту они просто стояли рядышком в темноте, часто-часто дыша и прислушиваясь. Затем Коля взял Надю за руку и отвёл её к окну, за которым металась вьюга, к давно остывшей печурке.

– Не бойся, она сюда не зайдёт.

Шаги стихли. Дверь содрогнулась от сильного удара.

Хором вскрикнув, дети бросились друг другу в объятия. Удар. Второй, третий. Неистовый стук нарастал. Дети не могли ни вздохнуть, ни шелохнуться, сжавшись дрожащим комочком посреди комнаты. Вдруг удары оборвались. За дверью глухо, надсадно, отчаянно застонали:

– Х-холод-дно! Пустите погреться!.. Хо-о-олодно!

Надтреснутый старческий голос. И слова потонули в отчётливом, безудержном стуке зубов – хрупких и крошащихся в пыль.

Надя вскрикнула. Коля зажал ей рот рукой. Мальчик вздрогнул, почувствовав ладонью острия её зубов и жар дыхания. Дверь затряслась от ударов, ухая и гулко стучаясь об парту.

Коля отчаянно вглядывался в темноту, пытаясь оценить прочность баррикад. И те не подвели. Стук сошёл на нет. Голос за дверью смолк. Вновь послышались шаркающие шаги. Они отдалялись. Надя начала успокаиваться, но всё ещё сильно дрожала, судорожно вздыхая и подавляя слёзы.

А в классе и правда стало по-настоящему холодно. Ледяные иголки шустро пробирались за воротник. В сером отсвете из окна было видно, как дыхание превращается в пар. Тогда Коля осторожно отнял ладонь от Надиного рта.

– Надо отсюда уходить! – едва слышно прошептал мальчик, задев подбородком её ухо.

– Но там... оно! – также тихо сказала Надя, повернув голову и чуть не коснувшись губами его скулы.

– Через окно.

– Но мы замёрзнем!

– Я знаю...

Так они и стояли, прижавшись друг к другу от холода и страха, прислушиваясь к тишине за стеной.

– Придумал! – вдруг шёпотом воскликнул Коля.

Сначала Надя упрямылась, но потом сдалась: поняла, что у них было мало вариантов. Коля сходил в учительскую – тесный закуток, примыкавший к учебной комнате, – нащупал там спички на маленькой настенной полочке, выдрал из журнала на столике, стоявшем буквально

в дверях, клочок бумаги. Вдвоём с Надей они набили жерло печи драгоценными дровами. Коля открыл коробок и достал последнюю спичку.

Надя застыла в проходе между партами, ряды которых смешались в беспорядке. Дети кое-как подтащили их, придвинув к двери так плотно, насколько хватило сил. Две парты мальчик смог даже поднять на дыбы, водрузив ножками на столешницу третьей.

Затем он линейкой разорвал полоски бумаги на раме заклеенного на зиму окна. Теперь его створка держалась только на нижнем шпингалете, и ветер нещадно гремел оконным стеклом, продавливая в щели холод.

– Не думаю, что это подействует сразу, и даже не знаю, сработает ли... Но будь готова!

– Угу... – отозвалась она.

Снова глянув на Надю – напряжённый маленький силуэт на фоне парт – Коля чиркнул спичкой.

Пламя долго не занималось, но потом печка раскочегарилась. Оранжевые блики выхватили из тьмы лица детей. Дрова затрещали, и комната стала наполняться теплом.

В коридоре что-то зашевелилось, ожило, застучало и зашаркало ногами. В мёртвой тишине здания раздались надсадные стоны: «Холодно! Согреться!.. Холодно...»

– Эй! – крикнула Надя. – Мы здесь! У нас тут печь! Тепло!

– Тепло! Тепло!.. – забубнил ей в ответ хриплый голос, и дверь класса затряслась с тройной силой.

Коля шмыгнул к окну, откинул защёлку. Вскочил на подоконник и хлопнул себя по карману – проверить, на месте ли ключ.

– Не бойся! Я быстро!

Он распахнул окно и спрыгнул в снежную пургу. Ледяной вихрь больно хлестнул Надю колючим снегом по спине.

– Иди сюда! Да! Да!.. Я здесь! – снова закричала она. – Тут тепло!

Она стояла, слушая вьюгу, стук двери и скрип оконных петель. Спина её заледенела: жакет и блузка промокли от растаявшего снега и быстро задубели. Надя вдруг подумала, что может стать такой же, как то, что рвалось к ним в класс. Тогда она ещё раз крикнула: «Эй! Сюда!.. Тут тепло!..», и стала отступать. К печи. И к открытому окну.

Ей мешал шквальный ветер. Но она справилась. Вся дрожа, Надя подтянулась вверх и залезла на подоконник. Её зубы стучали почти так же громко, как у того существа, что поджидало их с Колей. Но она собрала все свои силы. Под грохот глухих ударов и скрежет ногтей по двери Надя крепко вцепилась в раму, вся подалась вперёд и свесилась далеко в оконный проём.

В призрачной круговерти совсем ничего не было видно. Ни торца здания с выходом из школы, ни следов Коли.

«Конечно, их ведь сразу засыпало. Коля, ну где же ты с нашими куртками?!»

Печь давно погасла от ветра, лишь малиновые блики виднелись сквозь неплотно прикрытую дверцу. Наде вдруг сильно захотелось спать. Она уже не чувствовала ни ломоты в замёрзших руках, ни обжигающих прикосновений к коже заиндевелой блузки, ни онемевшего, обветренного лица.

Девочка сползла с подоконника и, шатаясь, пошла в учительскую. Мысли её затуманились. Всё, о чем она могла думать – это маленький уютный закуток за фанерной дверью и намёк хоть на какое-то тепло.

«Я прикрою дверь и сяду там на кушетке. Коля придёт – оденусь, и пойдём домой...»

Наощупь она нашла вход. Ввалилась внутрь, держась за маленький стол у стены. Неуклюже обогнула его, больно стукнувшись боком об угол. Села на диван с кружевной накидкой на спинке, которую сплела Марья Сергеевна. Подумав, плюхнулась на бок. Стянула вокруг себя края ажурного пледа.

«Я пять минуточек полежу... Только не спать!»

Зевнув, она провалилась в черноту забытья.

Её потревожил скрип. Надя с трудом разлепила глаза. Всё тело ломало. Голова стала неподъёмной, как ведро со льдом. Надя уставилась на дверь. В открытом проёме, над краем стола сгустком тьмы нависала фигура.

Надя вздрогнула. Ледяная игла пронзила её грудь, отдавшись ударом в висках и заставив замереть сердце. Она ещё успела подумать, что фигура была какой-то неправильной: бёдра, талия, грудь – там вроде всё в порядке, а вот голова... Голова не была круглой, как должно быть у человека. От макушки она как бы вытягивалась, ветвилась, рассыпаясь в воздухе веером тонких отростков. И она была неестественно наклонена – словно свёрнута на бок – так что казалось, растёт не из шеи, а сразу из левого плеча. И не вверх, а как-то криво, по диагонали. Ещё Надя заметила, что у фигуры в руке что-то зажато: не то ком тряпья, не то какой-то свёрток.

В темноте раздался каркающий, бурлящий, раздирающий изнанку души голос:

– Добрый вечер, Наденька! Ну что, нравится тебе моё покрывало?..

Участковый стоял у крыльца и смотрел, как врачи уносят два маленьких тела. Из распахнутых дверей школы выбежал директор – растрёпанный, без верхней одежды, в пиджаке, застёгнутом не на ту пуговицу.

– Ну что, Костя, – умоляющим тоном спросил он, – поедем?

– Да нет, – ответил участковый, – не стóбит. Пока тела вывезем... Да и так ясно всё... И устал я сегодня. Четвёртый вызов за ночь!

Он поднял руку, сдвинул на бок шапку-ушанку и дёрнул себя за вихор. Директор вытаращился на друга.

– У нас?!

– Да, у нас. И у соседей – в Вышкино.

– Чтó там?!

– Сначала учитель. Мария Сергеевна. Поскользнулась на крыльце. Свернула шею. Ещё вчера, как подморозило. Но нашли только утром. Муж... приехал от любовницы, – Костя со злостью пнул снежный ком. – Сам бы, конечно, не сказал, да вот в руке у женщины был зажат пакет. Письма там, фотографии... Потом ещё другая. Уборщица ваша. Как её... баба Клава. Замёрзла ночью у себя же дома.

– Как?! – выдохнул директор.

– А вот так. Жила одна. Дом на отшибе. Не хватило дров. Видно, сначала так согрелась... – Костя щёлкнул себя по шее. – Потом ударил мороз, и не смогла уже выйти из дома... Третий – охранник. Дядя Ваня. Застрелился. Соседи говорят, из-за жены. Тоже рогоносец.

Повисла тишина. Директор всплеснул руками и впился в клочки волос вокруг лысины. Тяжело провёл ладонями по лицу, а затем посмотрел на товарища сквозь скрюченные пальцы.

– Нет, я всё понимаю... Дети остались в школе. Была вьюга. Настоящий буран... Труба печи забилась снегом. Они не заметили. Видно, только разожгли... Всё пошло обратно. Угарный газ. И я виноват...

– Да брось!

– ...Что не следил за тем, у кого ключи. А я их знал! Славные дети... Плохие родители... Но мальчик-то! Что ж мальчик?!

– Да, чёрт его пойми! Надышался... Что-то померещилось... А может, в последний момент понял, чтó не так. Решил воздуха хлебнуть. Ну и свалился в снег... Хотел зайти обратно, да не смог. Не дошёл до двери.

Потерянный маршрут

Весенний лес с клейкими листочками, едва-едва пробившимися из почек. Тёмные стволы деревьев в кристально чистом воздухе на полустанке. Подъехала электричка. На подножке нарисовались студенты – трое парней, одна девушка – и стали выносить рюкзаки из тамбура.

Девушка спрыгнула на гравий. Смеясь и пританцовывая, она принялась помахивать руками в такт действиям парней, как регулировщик. Один из них – высокий худощавый Женя – оглядел образовавшуюся на насыпи горку вещей.

– Так, всё на месте? Дима, Паша, проверьте! Аня!.. Быстро отошла от вагона! Подальше, подальше... Вот так... Дима, маршрут!

Дима достал телефон в ярком чехле, открыл навигатор и быстрыми точными движениями вызвал в меню заранее проложенный маршрут.

– Ну вот, как и говорили. Километров пять на запад, по просёлку. Дальше – поляна с ручьём и выход к автостраде. По обочине ещё, наверное, час... и будем у «Приюта».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.